

ЛЮДИ СЕВЕРА И ГОСУДАРСТВО

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/22/1

«СЕВЕР ЗОВЕТ!»: МОТИВ «СЕВЕРНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ» В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ*

Михаил Геннадьевич Агапов,
Вера Павловна Ключева

*Моей северной болезни по имени Анна.
М.А.*

Аннотация. Исследование представляет собой историко-антропологический анализ фольклорно-мифологического мотива «северное притяжение». На основе разножанровых устных и письменных текстов проясняются социальные функции мотива «северное притяжение» и его значение для формирования личных жизненных стратегий на примере участников освоения Российской Арктики. Активнее всего тема «северного притяжения» использовалась партийно-советскими пропагандистами в период нефтегазового освоения Западной Сибири. На личном уровне мотив «северное притяжение» раскрывается как сложный комплекс социальных, идеологических и психологических факторов. Наиболее выраженными его аспектами были эскапизм, любовь к северной природе, желание испытать себя, самореализоваться как в личностном, так и в профессиональном плане. Крайней формой проявления «северного притяжения» считалась так называемая северная болезнь – состояние полной захваченности индивида Севером. В разные исторические периоды отдельные аспекты мотива «северного притяжения» усиливались, тогда как другие ослабевали, однако вариации мотива не нарушали его семантической целостности.

Ключевые слова: Север, Тюменский Север, мотив «северное притяжение», фольклор, пропаганда, режимы оправдания

Открытие в Северо-Западной Сибири колоссальных запасов нефти и газа в конце 1950–1960-х гг. кардинальным образом изменило жизнь региона. В результате стремительной индустриализации обширные се-

---

* Исследование выполнено в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН «Интеграция и развитие»: «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика» (№ 0372-2015-0007) и базового бюджетного проекта ИПОС СО РАН на 2017–2020 гг. «Социальное пространство и культурный ландшафт Западной Сибири в XVII–XXI вв.: динамика, структура, функции» (№ 0372-2016-0003).

верные территории приобрели новую региональную идентичность. На ментальных картах появилась новая область – Тюменский Север. Вплоть до сегодняшнего дня она сохраняет черты фронта как зоны особых социальных условий, среди которых обычно называют суровый климат, исключительные возможности для улучшения социального и экономического статуса активного индивида и переселенческий характер местных сообществ (Замятина 1998: 76). Тюменский Север изначально позиционировался в качестве «территории романтики» и «места подвига». Широкое распространение получила метафора «северное притяжение». Во второй половине 1960-х – 1980-е гг. тюменские газеты были заполнены такими экспрессивными клише, как «Север зовет», «Север притягивает, как магнит», «Север привязывает». Наиболее сильной формой проявления «северного притяжения» считалась так называемая северная болезнь – состояние полной захваченности индивида Севером. Приведенные риторические фигуры не были изобретением пропагандистов 1960–1980-х гг. Как устойчивые выражения они присутствовали уже в советской публицистической и художественной литературе 1930–1950-х гг., посвященной «заованию» Арктики. Но и там слова о «северном притяжении» прозвучали не впервые. Приступы «северной болезни» неоднократно замечались у россиян еще в конце XIX – начале XX в.

Данное исследование представляет собой историко-антропологический анализ фольклорно-мифологического мотива «северное притяжение». В соответствии с определением Ю.Е. Березкина мотив – это повторяющийся образ, эпизод или их сочетание максимальной протяженности, встречающееся в двух или более (практически во многих) текстах (Сенько и др. 2010). Важно заметить, что комплекс воспроизводимых элементов может обнаруживаться как в устной речи, так и в письменном повествовании. Ключевым критерием фольклорного мотива является его воспроизводимость (Березкин 2007: 71). Исходя из этого, нашими источниками стали не только записи бесед с информантами, но и материалы периодической печати, публицистика, воспоминания и некоторые художественные произведения. Граница между письменным и устным повествованием не является в нашем случае непроницаемой. В письменных текстах часто встречаются такие выражения, как, например, «не зря же говорят “заболел Севером”» или «Север многим привязывает» (Сидельников 1975: 2) – т.е. те же самые, что мы слышим и в речи информантов. Таким образом, полем нашего исследования выступает «устно-письменный нарратив» – сложное переплетение устных и письменных текстов и, одновременно, организация повествования, характеризующаяся стилизацией устной речи и предполагающая общую с адресатом культурную память (Пярле 2006: 437).

Нашей целью является выяснение социальной функции мотива «се-

верное притяжение» в истории освоения Российской Арктики. Достижение поставленной цели предполагает раскрытие содержания мотива «северное притяжение» в основных формах его бытования (официальной, фольклорной, личностной) на каждом из крупнейших этапов освоения Российской Арктики начиная с нордомании рубежа XIX–XX вв., в контексте которой возник интересующий нас мотив, и кончая эпохой нефтегазового освоения Тюменского Севера, когда мотив «северного притяжения» стал неотъемлемой частью как официальных агитационных материалов, так и фольклора, и личных нарративов. Среди современных исследований наибольший интерес для нас представляют проблематизирующие феномен эмоциональной привязанности человека к Северу работы А. Болотовой (2014), Е. Гололобова (2017), Н.Ю. Замятиной (1998; 2014), В.П. Карпова (2014), В.П. Клюевой (2016), М.Я. Рожанского (2012).

«Ориентация – Север!»

Культурологи уже неоднократно отмечали символическое значение ориентации на части света. Я. Буркхардт считал обряд ориентации универсальным, свойственным всем цивилизациям (1999: 17). Особый интерес в этой связи представляет семантика частей света. Классиками фольклористики и этнографии засвидетельствовано осмысление Севера как стороны смерти и места обитания зла (Афанасьев 2002: 29; Пропп 1986: 60; Гондатти 1888: 43 и др.). Негативная семантика севера, как полагают некоторые исследователи, может быть связана с особым типом ориентации, присущим народам Евразии – ориентации в сторону евразийского широтного горного пояса, который имел сакральное значение для всех окружающих его с севера или юга народов (Подосинов 1999: 545).

С началом христианской эры устремленность «север – юг», соотносившаяся теперь с вертикалью крестного распятия, обрела особое значение – она стала европейской осью симметрии (термин Ларри Вульфа (2003: 152)). Как отмечает в этой связи А.Г. Еманов, «нельзя забывать того места, которое занимал Север в европейской эсхатологии и аксиологии... Эти мотивы, а не только прагматические побуждения, заставляли южан из Италии Маттео и Андреа Фрязей доходить до Печоры, или немца Иоганна Шильтбергера – до сибирской Чимги-Туры» (1996: 3).

Концептуальная смена континентальной оси «север – юг» на ось «запад – восток» произошла только в XVIII в. вследствие подрыва самой концепции «Севера» как геополитического образования в результате Великой Северной войны (Вульф 2003: 241, 409). Сделавшись в определенном смысле маргинальной стороной света, Север стал символическим местом притяжения маргиналов всех сортов – эскапистов,

романтиков, искателей приключений. «Следуй за мною; я держу путь к вечным льдам Севера», – гласила адресованная Виктору Франкенштейну надпись, оставленная созданным им монстром (Шелли 2011: 45) – первым и самым знаменитым изгоем Нового времени. На этом этапе европейской истории Север приобретает черты «мира вдохновения» (в значении Л. Болтански и Л. Тевено), в котором нужно уметь жертвовать тем, что обуславливает устойчивость и идентичность личности в других мирах (патриархальном, рыночном, научно-техническом, гражданском и репутационном) (Болтански, Тевено 2013: 252–260).

«...подобно героям Кнута Гамсуна»: русская нордомания конца XIX – начала XX в.

В конце XIX в. петербургская богема «заболела Севером». Нордическая мода, или нордомания, быстро распространилась среди аристократии и интеллигенции. Образованная публика зачитывалась произведениями А. Стриндберга, К. Гамсуна, Г. Ибсена. Пьесы скандинавских драматургов ставились лучшими российскими театрами. «Мы охвачены тягой на Север, одержимы пристрастиями к его художественному и сценическому слову, тем самым выявляя созвучность своей души – северной», – писал В.В. Розанов (цит по: Грякалова 2016: 89). Свой вклад в нордоманию внес и новый властитель дум Ф. Ницше, ожививший миф о гиперборейях. Его сверхчеловек был человеком Севера – индивидуалистом, закаленным суровой жизнью в северных льдах (Шнирельман 2015: 26–27). Русские ницшеанцы – от М. Горького до «младосимволистов» – обращались к поэтике Севера как антитезе поэтики декаданса (Кондаков 1997: 57).

Хотя первоначально понятие «северный» было неразрывно связано с понятием «скандинавский», вскоре оно включило в себя и Русский (Европейский) Север, чему способствовали как географическая близость, ландшафтное сходство, так и мифопоэтическое родство двух территорий (Грякалова 2016: 89). Русский Север стал в начале XX в. местом паломничества тех, для кого нордомания была не одной лишь салонной модой, но выражением экзистенциальных потребностей. Предпринявший в 1907 г. путешествие-паломничество по Русскому Северу и Норвегии М.М. Пришвин оказался в «той стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежим» (1908: 3). Целый ряд полярных путешествий предпринял в 1894–1901 гг. очарованный «мрачной, но мощной и таинственной» природой Крайнего Севера первый российский живописец Арктики, писатель и общественный деятель А.А. Борисов (Борисов 1907: 5–6).

Не одна лишь созерцательность, но и едва ли не всеобщая среди передового студенчества страсть к естественнонаучным изысканиям

влекла молодых людей на Север. В относящихся к 1908 г. воспоминаниях известный полярник, участник экспедиции Г.Я. Седова 1912–1914 гг., Н.В. Пинегин приводит характерное свидетельство:

...вообразите молоденького студента-художника, вдобавок охотника, влюбленного в дикую природу... Молодой человек успел прочесть несколько книг о путешествиях на Север и в Арктику. Книги распалили воображение, но совсем не запугали. Фантазия молодого художника увлечена до крайности картинами льдов, сказками о борьбе смелых людей с девственной природой в полуночной стране. Он видит себя в страшном Ледовитом океане на утлом челноке. Он совершает смелые переходы с ружьем и этюдным ящичком по звериным тропам, где не ступала еще нога человека, сидит у костра в одиночестве, подобно героям Кнута Гамсуна, ведет разговоры с непугаными птицами и любимой собакой.

Решено – на Север! ...

Среди знакомых казанских студентов внезапно оказались ребята, готовые не только слушать до самого утра расплывчатые планы, но тоже горящие желанием отправиться в дальний путь – хоть на Юпитер. Мы долго спорили – куда и зачем бы нам поехать. Кто-то предложил не заниматься пустяками, а отправиться сразу на Северный полюс. Однако план такой поездки был все же отвергнут. Пересмотрели все карты Севера, какие могли достать. В конце концов сошлись на решении поехать для начала из Казани водным путем на Северную Двину (1936: 5–7).

Организованное Н.В. Пинегиным «маленькое предприятие с громким названием – Волжско-Двинская экспедиция» было успешно осуществлено под покровительством Императорского Русского Географического Общества. В отличие от М.М. Пришвина и А.А. Борисова, воспринимавших Север медитативно-созерцательно, почти по-буддистски, Н.В. Пинегин относился к «царству холода и льдов» вполне прагматично. Север был для него не метафизическим, но вполне конкретным пространством – страной, которую необходимо исследовать, а в конечном итоге – покорить.

Путешествия на Север с этнографическими, географическими и художественными целями, равно как и «просто» бродяжничество по северному краю, не были исключительно российским явлением. В то время, когда, по словам Х. Дж. Маккиндера, мир был открыт в своих самых отдаленных пределах (1995: 164), Арктика оставалась последним фронтиром европейской – в том числе и российской – колонизации. С этой точки зрения экзотические (северные) путешествия представляли собой характерный феномен колониализма (Эткинд, Уффельман, Кукулин 2012: 15). «Певцы» северных пейзажей активно вовлекались в пропаганду колониационных предприятий на Русском Севере:

А.А. Борисов сопровождал в качестве рисовальщика и фотографа министра финансов С.Ю. Витте в его поездке на север в 1894 г.; К.А. Коровин и М.А. Врубель оформляли устроенный С.И. Мамонтовым павильон Крайнего Севера на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. – их полотна «служили демонстрации великих колонизаторских усилий и успехов русских в конце XIX века, рекламируя коммерческий проект Мамонтова» (Савицкий 2017: 280).

«Заболеть Севером»: советское «завоевание» Арктики в 1930–1960-е гг.

В 1930-е гг. Арктика была для великих держав тем же, чем в 1960-е гг. для них стал космос – местом демонстрации своих технологических достижений, величия национального духа и идеологического превосходства. Советское «завоевание» Арктики было прямым продолжением начатой еще С.Ю. Витте колонизации Русского Севера, которую советское руководство проводило под антиколониальными лозунгами (Гололобов 2017: 140). Освоение Арктики было теснейшим образом связано с разработкой «новых концепций советского символического и географического пространства», а вместе с тем и с формированием «парадигматического типа советского героя» (Франк 2011: 89), каковым стал полярник – моряк, летчик, зимовщик. Полярники изображались верными сынами Отчизны, людьми несгибаемой воли, титанами духа. Естественно, что и чувства их могли быть только титаническими. Речь больше не могла идти лишь об увлечении Севером – полярники буквально «заболели» им как, например, персонажи романа В. Каверина «Два капитана» (1977: 440). Саня Григорьев перенимает страстное отношение к Северу от капитана Татарина, однако в новом поколении этос «северное притяжение» приобретает новые черты. Как и для капитана Татарина, Север для Сани Григорьева – это объект завоевания, пространство возмужания, но, в отличие от своих предшественников, Саня Григорьев видит себя не в «утлом челноке» посреди Ледовитого океана, а в самолете, парящем над ним. Средствами покорения Арктики теперь выступают современная техника и отточенное до совершенства мастерство управляющего ею человека.

В том же ключе свое отношение к Северу сформулировал Герой Советского Союза, полярный летчик М.В. Водопьянов. Его автобиографическая книга «На крыльях в Арктику» открывается главой с характерным названием «Север зовет», которая в свою очередь начинается следующими словами:

«Стоит летчику только один раз слетать в Заполярье, где самолет является редким, но зато дорогим гостем, и он неизбежно заболевает

“болезнью Севера”. Его с неудержимой силой будет тянуть туда. Он уже не сможет больше летать “от куста к кусту” на спокойных, хорошо оборудованных линиях европейской части СССР. Здесь не попадешь неожиданно-негаданно в пургу или шторм, здесь на каждом шагу населенные пункты и промежуточные аэродромы, и здесь становится скучно летать пилоту, который изведает творческую радость напряженного полета над теми местами, где еще не ступала нога человека» (1955: 5).

В новую индустриальную эпоху героизм дополнялся техническим мастерством, которые выступали двумя сторонами одной медали, формируя в сумме отчетливо выраженный государственно-милитаристский образ «завоевания» и «завоевателя» Арктики. Между желанием испытать себя посредством преодоления экстраординарных трудностей, стремлением к профессиональному совершенству и патриотическим порывом возникала неразрывная связь, на основе чего формировался сгущенный мотивный комплекс, выражавшийся в лаконичной формуле «Север зовет». Он усиливался благодаря сильнейшему впечатлению, производимому северной природой. Яркое описание симптомов «болезни Севера», в равной степени созвучное воспоминаниям советского летчика М.В. Водопьянова и выпускника Императорской Академии художеств А.А. Борисова, содержится в частном письме побывавшего в начале 1930-х гг. на Сибирском Севере В.В. Бианки:

«...то, что я видел в Конце Земли, та громадная дыра в вечность снится мне ночами. Когда снится мне зеленое ущелье Сосьвы, таинственный в своей нетронутости урман, след лося на берегу, глухарь на ели, – я потом цельный день сам не свой, я в каменных громадах домов вижу громадные каменные гроба ... От этой высокой болезни сдохнуть весьма просто. Погостил на Сосьве, теперь гощу в Питере – и тянет, тянет опять в урман» (Гололобов 2017: 143–144).

Новой характеристикой «притяжения Севера» в советской версии было чувство особого северного коллективизма. Если на «большой земле» формирование коллективистских ценностей все еще оставалось актуальной задачей, то на Севере люди, казалось, не могли не быть коллективистами. Неудивительно, что в советском северном тексте 1930-х гг. возникла тема «внутреннего тепла» товарищеской солидарности как антитезы арктического холода (Франк 2011: 90). При внимательном прочтении документов и воспоминаний быстро обнаруживается, что, как и всякие закрытые изолированные группы, «коллективы» полярников постоянно подтачивались внутренними интригами, их сотрясали конфликты – нередко дело доходило до драк и поножовщины. Тем не менее созданный пропагандистами образ северной «социальной общности», несомненно, притягивал тех, кто, стремясь к достижению коммунистического коллективистского идеала, осознавал, что советская по-

вседневность ему явно не соответствовала.

«Северное притяжение» действовало как сложный комплекс социальных, идеологических и психологических факторов. Общим местом советского северного текста эпохи «героического завоевания» Арктики была тема «северного магнетизма». Действительно, несмотря на тяжелейшие условия жизни и работы на Крайнем Севере, покинуть его иногда было очень трудно. Поэт и писатель, красный сибирский партизан, исследователь Арктики В.А. Итин свидетельствовал: *«Каждый зимовщик, остающийся на радиостанции, должен провести там один год; но Север зовет. Проведя за полярным кругом этот обязательный год, люди остаются на два, три, шесть лет, кочуя с одной станции на другую»* (1935: 23).

Словно продолжая высказывание В.А. Итина, другой писатель и путешественник, участник Карских экспедиций В.Я. Канторович отмечал: *«Среди полярных моряков и научных работников развита своеобразная болезнь: инстинктивная привязанность к северу, заставляющая его из года в год вновь и вновь возвращаться в Арктику. Большинство из них – фанатики Севера»* (1930: 131).

На основе наблюдения за повседневной жизнью работников полярных радиостанций, арктических обсерваторий и факторий В.Я. Канторович выделил несколько причин «привязанности к северу»: 1) уже указанное выше желание профессиональной самореализации; 2) бегство от личных проблем на Большой земле; 3) материальный стимул («двойные оклады полярных станций при невозможности тратить деньги на протяжении целого года также являются важным стимулом для зимовщика»). Однако главную причину захваченности «полярных работников» Севером В.Я. Канторович видел в особенностях северного жизненного уклада, таящего в себе, несмотря на всю его исключительную сложность, нечто «в конечном счете весьма привлекательное»:

«Это привлекательное скрыто в безмятежном спокойствии природы и быта на зимовке, в абсолютной уверенности в завтрашнем дне. Когда такой зимовщик, привыкший к спокойствию зимовки и, просто сказать обленившийся там, попадает к себе домой, город его ошеломляет. Забота о службе, о квартире, о пропитании, неприветливо сменяет привычный режим зимовщика. Город наваливается на зимовщика своей уютной, необеспеченной и нервной жизнью и обычно проходит не слишком большой срок, пока в представлении людей проклятая раньше жизнь на зимовке начинает окрашиваться в розовые тона. Глядишь, проходит полгода, накопленный за зимовку запас денег растаял, и управление радиостанциями получает от старого зимовщика просьбу вновь послать его на полярную станцию» (1930: 130–131).

Иначе говоря, «северное притяжение» во многом представляло собой иррационализацию устремлений и действий индивида. Так, «север-

ный магнетизм» позволял ему «объяснить» себе и окружающим причину своего бегства на край света. Не это ли состояние и переживалось как особое «внутреннее тепло» советской Арктики? Темная сторона «северного притяжения» заключалась в том, что «подчинение» ему в ряде случаев приводило к утрате важнейших социальных навыков («забота о службе, о квартире, о пропитании»), приучая индивида к понижающей социальной адаптации.

Если в 1930-е гг. северная романтика была выражено коллективистской, то в 1960-е она стала более индивидуалистической. Показательным в этом отношении является свидетельство советского полярника В.С. Сидорова:

«...Север, Антарктида – это как море, ими заболеваешь на всю жизнь. Человек, хоть раз побывавший в высоких широтах, тянется туда снова и снова. Почему?... Ты один на один с природой, каждый день тебе нужно бороться со стихией, драться за жизнь. Но этого мало. Здесь, в долгие полярные дни и ночи, ты лучше познаешь самого себя, проанализируешь свою жизнь и решишь, правильно ли жил и какие ошибки совершил. И ты очищаешься. Раньше люди очищались от грехов в церкви, а мы – на зимовке, исповедуясь друг другу и самому себе» (Санин 1973: 167–168).

В 1930-е гг. типовой сюжет проверки самого себя Севером означал выяснение пригодности или непригодности человека к той подлинной коллективной жизни, какой в коммунистическом будущем, как предполагалось, будет жизнь всех людей. Тридцать лет спустя для В.С. Сидорова проверить себя – значит познать себя – проанализировать свою жизнь и поступки. Уподобление зимовки церкви, а разговоров по душам – исповеди в сочетании с неизбывными трудностями работы в Заполярье маркировали Север как место морального очищения. Все рассмотренные выше вариации мотива «северного притяжения» вошли в корпус агитационных клише, использовавшихся советскими органами пропаганды во второй половине 1960-х–1980-е гг. в рамках кампаний по привлечению «трудовых ресурсов» для освоения Тюменского Севера.

Мотив «северного притяжения» в устно-письменном нарративе освоения Тюменского Севера во второй половине 1960–1980-х гг.

Привлечение трудовых ресурсов на Тюменский Север в начальный период его нефтегазового освоения являлось важнейшей задачей, стоящей перед партийно-советским руководством страны. Главным средством мобилизации было материальное стимулирование («длинный северный рубль»), однако агитаторы обращались не только к *рацио*, но и к *чувствам* рекрутируемых ими людей (Карпов 2014: 36). Жизнь и труд на Тюменском Севере необходимо было представить привлека-

тельными не только в материальном, но и в эмоциональном отношении. Поскольку ставка делалась на молодежь, мотив «северного притяжения» не просто оказался вновь востребованным, но, пожалуй, именно в этот период получил наиболее широкое распространение, прочно вошел в фольклор переселенческого сообщества освоителей Тюменского Севера.

Проводившиеся на Тюменском Севере еще в 1960–1980-е гг. социологические опросы недвусмысленно указывают, что на «северный» выбор переселенцев влияли прежде всего материальные стимулы. Так, в 1969 г. среди причин приезда «рублевый фактор» назвали большинство – 49,6% опрошенных. Также присутствовали: «семейные обстоятельства» (23,2%), элементы романтики («за туманом и за запахом тайги» – 6,9%), стремление получить интересную работу (6,3 %), чувство долга перед обществом (3,8%). 1980-е гг. внесли лишь небольшие коррективы в структуру мотивов: ведущим по-прежнему оставался «высокий уровень материального вознаграждения» (Куцев 1989: 94).

В то же время авторы пропагандистских текстов постоянно обращались к теме романтики. В их материалах явная неустроенность жизни и труда «покорителей» тюменских недр окутывалась романтическим флером. Романтизация тяжелого труда и бытовых трудностей способствовала признанию неудобств и лишений своеобразным «спутником героизма». Сегодня, как показывают наши интервью с ветеранами нефтегазового освоения Тюменского Севера, романтическая интерпретация мотива «северного притяжения» служит для них своего рода режимом оправдания (по Болтански и Тевено). Примечательно, что даже те, чьей главной мотивацией, по их собственному заявлению, были материальные факторы (в терминологии все тех же Болтански и Тевено – ценности «рыночного мира»), подчеркивают такие стороны жизни и работы на севере, как романтика, красота природы, особая система межличностных отношений. И это вполне объяснимо, так как «рыночный» и «вдохновенный» миры относятся к неустойчивым мирам, что способствует их сочетанию, созданию компромисса между ними (Болтански, Тевено 2013: 451–452).

«Север зовет своей романтикой»

Тезис о том, что «Север зовет своей романтикой» обнаруживается как в официальном пропагандистском дискурсе, так и в свидетельствах информантов – участников нефтегазового освоения Тюменского Севера:

«...трудности работы... не пугают, не отталкивают от себя людей. Север зовет своей романтикой... незнакомых друг другу людей, способных идти на трудовой подвиг в единоборстве с вечной мерзлотой, с северной стихией» (Бетехтина О. Север зовет // Красный Север.

8 апреля 1964. С. 3–4).

«Романтики – это люди, которые, наверное, может быть, когда-то случайно попал в такие широты, навсегда заболели этими вот бескрайними просторами. И именно увидев то, что здесь можно самопровериться в профессии, оставались здесь» (В.Л., муж.).

«...в начале это была романтика – север. Родители мне рассказывали, как они жили в каком-то балке, где они утром просыпались и ни воды, ничего. Вода привозная в бочке и она замерзшая. И они просыпались – о, классно, мы здесь – романтика севера... и они счастливые, довольные были. ...Было отношение такое, что север – это романтика. И часто этот термин использовали. У меня родители рассказывали, что для них это была романтика, приключение» (М.О., муж.).

Классическая романтическая история начинается с отделения героя от своей среды. Причины его ухода могут быть как позитивными (стремление достичь определенной цели – заработать, «самопровериться в профессии» и т.д.), так и негативными (бегство от проблем): *«В своё время многие обращали внимание, или мы тоже, когда разговаривали, это подчеркивали. Типа того, что или кто-то разводился – надо было уехать, или какие-то проблемы были семейные – надо было уехать. То есть социальные проблемы, они человека подталкивали к тому, чтобы он ехал на север» (В.Л., муж.).*

Далее романтический герой проходит испытания, которые позволяют ему стать самостоятельным – и материально и психологически: *«...едет молодежь – встать на ноги, стать самостоятельными. Оно, конечно, тесно связано, экономичное и самостоятельное. Но – самостоятельность. Ты едешь на север, ты зарабатываешь, ты себя полностью обеспечиваешь. Ты уезжаешь от родителей, дают какое-то жилье и прочее. Ты становишься самостоятельным, это подчеркивает твоё взросление» (Н.Л., жен.).*

Следует заметить, что неосвоенность Севера, как справедливо замечает Е. Гололобов, осмысливалась как его «молодость» (2017: 145). Таким образом, взросление личности и территории происходило одновременно, что вызывало сильнейшее чувство эмоциональной привязанности к месту как у тех, кто оставался, так и у тех, кто уезжал, зачастую затем, чтобы позже вернуться.

Романтический настрой подкреплялся осознанием собственной востребованности, «нужности»: *«Для людей, которые были воспитаны в рамках идеологии – а там практически все такие были, – конечно, ехать на север было более престижно. Потом, в Москве тебя особенно никто не ждет, а на севере тебя ждут, там нужны твои руки. Ты понимаешь, что ты можешь что-то сделать» (Н.Л., жен.).*

Осознание своей востребованности в сочетании с пониманием уникальности осуществляемой деятельности скрадывали бытовую не-

устроенность и формировали оптимистические ожидания личного будущего и будущего страны. *«Даже мои родители, когда они приехали, они были у истоков, когда не было дорог, когда было всё в грязи кругом, балки стояли. Для них отношение [к Северу] было, что они строят своё светлое будущее. Тем более, это было советское время, и присутствовала идея светлого будущего, которое мы строим все вместе»* (М.О., муж.).

Представители всех профессиональных групп, участвовавших в строительстве Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, ощущали себя элитой внутри своей профессиональной группы, так как в отличие от других работали на «Северах». Так складывалось представление об особом «северном профессионализме», отличавшемся чрезвычайной сложностью решаемых задач, требовавшем инициативности и высокой меры личной ответственности: *«Север привлекал именно чем – вот этой свободой, а потом наверно возможностью принимать решения самостоятельно. То есть решать любые вопросы самостоятельно. То есть вот это вот самое, именно то, что людям не хватает духа свободы»* (В.Л., муж.).

«...суровый, но по-своему красивый край»

Представители северных переселенческих сообществ часто говорят о любви к северной природе, о своей эмоциональной привязанности к северным ландшафтам, пейзажам, краскам (Болотова 2014: 174). Природа становится своеобразным призом, помогающим принять северные трудности.

«А к Северу привык, вернее полюбил этот суровый, но по-своему красивый край» (Жерновников В. Призвание // Красный Север. 1964. 3 марта. С. 1).

«Вот такая песня раньше была: “Если ты полюбишь Север, не забудешь никогда...” ...Там хорошо, природа, простор, по крайней мере был. Лес... Знаешь: лучшие гор могут быть только горы? И тут также» (П.К., муж.)

«Приглянулись им неласковые полярные пейзажи, неброские тундровые дали» (Евгеньев А. Притяжение Севера // Тюменская правда. 1986. 25 мая. С. 3).

«Вы знаете, там природа своего рода... Знаете, красота осенью. Такая неописуемая красота, когда тундра – это ковёр. Почему? Потому что брусника зелёная, клюква зелёная, черника красная, листья. И эта тундра – это вообще неописуемое...» (В.А., жен.).

Жители Тюменского Севера также обращаются к теме природы, пытаясь объяснить, почему они не уезжают в более теплые места. И даже те, кто уехал, вспоминают прежде всего северную природу: *«Думаю, и*

чѐ я там жила? А вот иногда осенью здесь погода хорошая, солнышко светит, уже тепло – как бы я сейчас по тундре походила, так тянет! Вот, понимаете, думаю – может быть, там и дождь, может быть, там и холод, и всё, – а всё равно думаю, как бы с удовольствием я сейчас походила!.. Немножко-то тянет, конечно. Вот именно не в то время, пока метель или что, а когда тепло, осенью так хорошо в тундре» (А.П., жен.). Северная природа – это не только объект любования или своеобразной северной ностальгии, но и особая среда обитания, успешное взаимодействие с которой является отличительной чертой «настоящего северянина», «который может выжить в любых условиях, который может прожить, сохранить здоровье, любить все эти трудности и лишения, которые Север дает. У меня ассоциируется прежде всего со знанием природы территории и умением выживать в любых ситуациях, которые случаются на Севере» (Н.Л., жен.).

«...люди, которые нас окружают на Севере...»

Если романтикой Север «звал», то «внутренним теплом» (взаимоотношениями между людьми и общей системой жизненных ценностей) – «привязывал»:

«Север многим привязывает. Необычностью, людьми, да и теми же самыми трудностями, если вдуматься. Их надо преодолевать, причем не эпизодически, а повседневно. Это, хотя и незаметно, возвышает человека в собственных глазах ...Привязанность – понятие далеко не однозначное. Но, надо думать, главное в нем – люди, которые нас окружают на Севере ...Ведь все в конце концов сводится к ним, все на Севере с них начинается» (Седельников Ю. Привязанность // Красный Север. 19 декабря 1975. С. 2).

«...была очень теплая компания. Деньги деньгами, но душевный комфорт и дружеские отношения – они значат очень много.

Знаете, что мне там нравилось? Там была взаимопомощь. Вот у них как на севере было принято? Зимой, допустим, если стоит буран – значит, обязательно машины останавливаются. Нужна помощь – бесплатно, без всякого...» (В.А., Салехард).

Представление о наличии некоего особого «северного менталитета», или «северного характера», является центральным элементом северной мифологии. Приведем пример типичного высказывания: «Северяне, они лучше работают в команде. Командный дух, корпоративный, потому что выжить на севере одному достаточно сложно. У них есть такое свойство – кучковаться. Северяне, они разные опять же. Люди, которые думают прежде, чем делают, потому что лишнее движение на севере может стоить жизни. Они приветливые, дружелюбные, готовые помочь тебе, если ты попадаешь в среду, где тебе нужна помощь,

ты можешь к ним обратиться и они помогут» (С.Щ., жен.). По выражению Лидии Шевцовой, участницы Усть-Балыкской геофизической экспедиции, «работа на переднем крае, нравственные ценности, атмосфера взаимовыручки – и есть тот магнит, что притягивал и удерживал людей на Севере вопреки всем трудностям» (2014).

Заключение

Мотив «северного притяжения» буквально пронизывает разнообразный и кажущийся безграничным устно-письменный нарратив, связанный с историей освоения Российской Арктики. Вместе с тем в разные эпохи этот мотив манифестировал разные ценностные установки. На рубеже XIX–XX вв., когда Север воспринимался преимущественно как «мир вдохновения» (в значении Л. Болтански и Л. Тевено), мотив «северное притяжение» выражал романтические, индивидуалистические, эскапистские устремления (2013: 252–260). С началом индустриального освоения Российской Арктики он все чаще служил выражением ценностей научно-технического, государственного и рыночного миров (2013: 451–452). Хотя индустриальное освоение российского Севера началось еще в «эпоху Витте», крупномасштабным государственным проектом оно стало только в советский период.

В 1930-е гг. завоевание Арктического Севера было тесно связано с выработкой новой концепции советского символического и географического пространства и формированием образа советского героя. Вполне логично поэтому, что унаследованный от дореволюционного прошлого мотив «северного притяжения» заметно усложнился. Его семантический потенциал раскрывался в валентных или привходящих мотивах, по отношению к которым мотив «северного притяжения» выступал как основной (Силантьев 1999: 19). Так, например, мотив «внутреннее тепло» имплицировал привходящий мотив «Север привязывает», который, в свою очередь, в сочетании с основным мотивом имплицировал семантически родственный им обоим мотив «Север зовет». Одновременно с этим во многом под воздействием наступательного духа того времени происходило сгущение мотива «северного притяжения», в результате чего между отдельными его аспектами устанавливалась прочная связь. В послевоенный период наиболее выраженными аспектами мотива «северное притяжение» вновь стали эскапизм, любовь к северной природе, желание испытать себя, самореализоваться как в личностном, так и в профессиональном плане.

В условиях массовой мобилизации трудовых кадров на освоение Тюменского Севера в 1960–1980-е гг. мотив «северного притяжения», с одной стороны, широко использовался государственной пропагандой, а с другой – на низовом уровне – служил для новых северяян своего рода режимом оправдания (в значении, которым Л. Болтански и Л. Тевено

наделяют этот термин): тогда как ведущим стимулом трудоустройства «на Северах» были повышенные зарплаты (ценности «рыночного мира»), акцентирование таких сторон жизни и работы на Севере, как романтика, красота природы, особая система межличностных отношений (ценности «мира вдохновения») создавало возможность компромисса между двумя ценностными системами (Болтански, Тевено 2013: 451–452). С началом перестройки мотив «северного притяжения» постепенно утратил свое значение режима оправдания. В символическом пространстве произошел сдвиг от «героизма и романтизма» в освоении Российского Севера к «патриотизму», «национальной безопасности» и «экономической эффективности» (Российская Арктика... 2016: 154).

Список информантов

А.П., жен. 1941 г. р., медработник, жила и работала в Яр-Сале (Ямальский район, ЯНАО) в 1964–2007 гг.

В.А., жен., 1947 г. р., педагог, жила и работала в Салехарде и Ямальском районе ЯНАО в 1993–2013 гг.

В.Л., муж., 1952 г. р., геолог, работал на Ямале в 1974–1995 гг.

М.О., муж., 1982 г. р., до 2012 г. жил в Нижневартовске.

Н.Л., жен., 1964 г. р., этнограф, работала в Когалыме в 1989–1992 гг.

П.К., муж., 1942 г. р., криолог, работал на Ямале и Ханты-Мансийском округе в 1969–1992 гг.

С.Щ., жен., 1974 г. р., преподаватель, работала в Салехарде, Ноябрьске, Сургуте в 2007–2014 гг.

Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Мифы, поверья и суеверия славян: в 3 т. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 3.

Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 70–89.

Болотова А.А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. 2014. № 7. С. 170–188.

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Борисов. У самоедов. От Пинегы до Карского моря: путевые очерки художника Александра Алексеевича Борисова. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907.

Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы. М.: Алетейя, 1999.

Водольянов М.В. На крыльях в Арктику. М.: Государственное издательство географической литературы, 1955.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Гололобов Е. Сибирский Север: динамика образа – от Barren grounds к Northern plain // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 1. С. 137–152.

Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1888.

- Грякалова Н.Ю. «Рудокопы духа»: русский ибсенизм сквозь призму северного модерна // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7-1 (160). С. 88–94.
- Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII XV в. Тюмень: РУТРА, 1996.
- Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
- Замятина Н.Ю. Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 189–208.
- Итин В.А. Выход к морю. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое изд-во, 1935.
- Каверин В. Два капитана. Свердловск: Средне-Уральское книж. изд-во, 1977.
- Канторович В.Я. С Карской экспедицией по Северному морскому пути. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930.
- Карпов В.П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
- Клюева В.П. Тюменский Север как выбор: режимы оправдания «новых северян» // Сибирь: контексты настоящего. Иркутск, 2016. С. 197–209.
- Кондаков И.В. От истории литературы – к поэтике культуры // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 49–59.
- Куцев Г.Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989.
- Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Политика. 1995. № 4. С. 162–169.
- Пинезин Н.В. Записки полярника: воспоминания о походах в Арктику в дореволюционное и советское время. Архангельск: Севкрайгиз, 1936.
- Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Пришвин М.М. За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, Типография А. Бенке, 1908.
- Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986.
- Пясле Юлле. Устно-письменный нарратив: Парадоксальный «наш Ленин» // История и повествование: сб. статей. М.: НЛО, 2006. С. 435–445.
- Рожанский М.Я. «Оттепель» на сибирском морозе: Устная история ударных строек // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 184–206.
- Российская Арктика. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности / отв. ред. О.Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016.
- Савицкий Е.Е. Демоны в зоопарке: Современное искусство и колонизация Севера в России 1890-х годов // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 260–284.
- Санин В. Новичок в Антарктиде. М.: Молодая гвардия, 1973.
- Сидельников Ю. Привязанность // Красный Север. 19 декабря 1975. С. 2.
- Сенько О.В., Берёзкин Ю.Е., Боринская С.А., Козьмин А.В., Кузнецова А.В. Исследование фольклорно-мифологических традиций с использованием метода интеллектуального анализа данных // Открытие Америки продолжается. СПб: МАЭ РАН, 2010. Вып. 4. С. 97–108.
- Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Научное издание. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999.
- Франк С. Теплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива // Новое литературное обозрение. 2011. № 2 (108). С. 82–97.
- Шевцова Л. Тюменский Север: край снегов и большой нефти // Тюменские известия. 2014. 13 марта.
- Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. СПб.: Азбука, 2011.
- Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1.

Эткинд А.М., Уффельманн Д., Кукулин И.В. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 6–50.

Статья поступила в редакцию 24 июля 2017 г.

Agapov Mikhail G. and Kliueva Vera P.

‘THE NORTH IS CALLING!’: THE ‘NORTHERN ATTRACTION’ MOTIF IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN ARCTIC DEVELOPMENT

DOI: 10.17223/2312461X/22/1

Abstract. The study presents a historical and anthropological analysis of the folklore and mythological motif of ‘Northern attraction’. The social functions of the motif are clarified through a wide range of oral and written texts of different genres, and its importance for the formation of personal life strategies is shown through the example of those who contributed to the development of the Russian Arctic. The ‘Northern attraction’ theme was actively used by the Soviet party activists during the oil and gas reclamation of Western Siberia. At the personal level, the ‘Northern attraction’ motif is revealed as a complex of social, ideological and psychological factors. Its most prominent features were escapism, love of Northern nature, and the desire to test oneself and establish oneself both personally and professionally. The extreme case of ‘Northern attraction’ is called ‘Northern disease’ which is a condition whereby a person is fully possessed by the North. In different historical periods, some features of the ‘Northern attraction’ motif became more expressed, while some other ones were less so, but variations on the theme did not destroy the phenomenon’s semantic wholeness.

Keywords: North, Tyumen North, ‘Northern attraction’ motif, folklore, propaganda, regimes of justification

References

- Afanas'ev A.N. *Pojeticheskie vozzrenija slavian na prirodu: Mify, pover'ja i sueverija slavian* [Poetic views of Slavs on the nature: Myths, beliefs, and superstitions of Slavs]. Vol. 3. Moscow: Jeksmo; St. Petersburg: Terra Fantastika, 2002.
- Berezkin Ju.E. Proishozhdenie smerti – drevnejšij mif [The origin of death is the oldest myth], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2007, no. 1, pp.70-89.
- Bolotova A.A. «Esli ty poljubish' Sever, ne razljubish' nikogda»: vzaimodejstvie s prirodoy v severnyh promyshlennyh gorodah [If you fall in love with the North, you will never fall out of love with it: interactions with nature in northern industrial cities], *Neprikosnovennyj zapas*, 2014, no. 7, pp.170-188.
- Boltanski L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sociologii gradov* [Critique and justification of justice: essays on the sociology of cities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Borisov. *U samoedov. Ot Pinegi do Karskogo morja: putevye ocherki hudozhnika Aleksandra Alekseevicha Borisova* [Among the Samoyeds. From Pinega to the Kara sea: travel essays of the artist Aleksandr Alekseevich Borisov]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena, 1907.
- Burkhardt T. *Sakral'noe iskusstvo Vostoka i Zapada. Principy i metody* [Sacral art of the East and West. Principles and methods]. Moscow: Aleteja, 1999.
- Emanov A.G. *Sever i Yug v istorii kommercii: na materialah Kafy XIII - XV v.* [The North and the South in the history of commerce: on materials of Kafy, 13th to 15th centuries]. Tyumen: RUTRA, 1996.

- Etkind A.M., Uffel'mann D., Kukulin I.V. Vnutrennjaja kolonizacija Rossii: mezhdru praktikoj i voobrazheniem [Internal colonisation of Russia: between practice and imagination]. In: *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii* [There inside: practices of internal colonisation in the cultural history of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 6-50.
- Frank S. Teplaja Arktika: k istorii odnogo starogo literaturnogo motiva [Warm Arctic: toward a history of one old literary motive], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2011, no. 2 (108), pp. 82-97.
- Gololobov E. Sibirskij Sever: dinamika obraza - ot Barren grounds k Northern plain [The Siberian North and the dynamics of an image: from Barren grounds to a Northern plain], *Quaestio Rossica*, 2017, Vol. 5, no. 1, pp.137-152.
- Gondatti N.L. *Sledy jazychestva u inorodcev Severo-Zapadnoj Sibiri* [Traces of paganism from the indigenous minorities of the north of Western Siberia]. Moscow: Tip. E.G. Potapova, 1888.
- Gryakalova N.Yu. «Rudokopy duha»: russkij ibsenizm skvoz' prizmu severnogo moderna [“Miners of spirit”: Russian ibsenism through the prism of northern art nouveau], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 7-1 (160), pp. 88-94.
- Itin V.A. *Vyhod k morju* [An outlet to the sea]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kraevoe izdvo, 1935.
- Kantorovich V.Ya. *S Karskoj ekspedicii po Severnomu morskomu puti* [With the Kara's expedition across the Northern Sea Route]. Moscow, Leningrad: Molodaja gvardija, 1930.
- Karpov V.P. *Anatomija podviga. Chelovek v sovetskoj modeli industrializacii Tjumenskogo Severa* [Anatomy of a feat. The person in the Soviet model of industrialisation of the Tyumen North.]. Tyumen: TyumNGU, 2014.
- Kaverin V. *Dva kapitana* [Two captains]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977.
- Kliueva V.P. Tjumenskij Sever kak vybor: rezhimy opravdaniya «novyh severjan» [Tyumen North as choice: justification modes of 'new northerners']. In: *Sibir': konteksty nastojashhego* [Siberia: contexts of the present]. Irkutsk, 2016, pp. 197-209
- Kondakov I.V. Ot istorii literatury - k pojetike kul'tury [From the history of literature to the poetics of culture], *Voprosy literatury*, 1997, no. 2, pp. 49-59.
- Kutsev G.F. *Chelovek na Severe* [Man in the North]. Moscow: Politizdat, 1989.
- Makkinder H.J. Geograficheskaja os' istorii [The geographical axis of history], *Politija*, 1995, no. 4, pp. 162-169.
- Parle U. Ustno-pis'mennyj narrativ: Paradoksal'nyj «nash Lenin» [Oral and written narrative: paradoxical 'our Lenin']. In: *Istorija i povestvovanie* [History and narration]. Moscow: NLO, 2006, pp. 435-445.
- Pinegin N.V. *Zapiski poljarnika: vospominanija o pohodah v Arktiku v dorevoljucionnoe i sovetskoe vremja* [Notes of a polar explorer: memories of camping in the Arctic in the pre-revolutionary and Soviet times.]. Arhangel'sk: Sevkrajgiz, 1936.
- Podosinov A.V. *Ex oriente lux! Orientacija po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii* [Ex oriente lux! Orientation to the countries of the world in the archaic cultures of Eurasia]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
- Prishvin M.M. *Za vol'shebnyim kolobkom. Iz zapisok na krajnem severe Rossii i Norvegii* [For the Little Round Bun. From the notes on the Far North of Russia and Norway]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena, Tipografija A. Benke, 1908.
- Propp V.Ya. *Istoricheskie korni vol'shebnoj skazki* [Historical roots of the magic fairy tale]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1986.
- Rossijskaja Arktika. Rossijskaja Arktika v poiskah integral'noj identichnosti* [Russian Arctic. The Russian Arctic in search of integrated identity]. Moscow: Novyj hronograf, 2016.

- Rozhanskij M.Ya. «Ottepel'» na sibirskom moroze: Ustnaja istorija udarnyh stroke [A "Thaw" in the Siberian frost: an Oral history of shock-work construction projects], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 5(50), pp. 184-206.
- Sanin V. *Novichok v Antarktide* [A novice in Antarctica]. Moscow: Molodaja gvardija, 1973.
- Savitckij E.E. Demony v zooparke: Sovremennoe iskusstvo i kolonizacija Severa v Rossii 1890-h godov [Demons in the zoo: contemporary art and the colonisation of the North in Russia in the 1890s], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 2 (144), pp. 260-284.
- Sedel'nikov Ju. Privjazannost' [Devotion], *Krasnyj Sever*, 1975, 19 Dec., pp. 2.
- Sen'ko O.V., Berjozkin Ju.E., Borinskaja S.A., Koz'min A.V., Kuznecova A.V. Issledovanie fol'klorno-mifologicheskikh tradicij s ispol'zovaniem metoda intellektual'nogo analiza dannyh [A study of folklore and mythological traditions using the data mining method]. In: *Otkrytie Ameriki prodolzhaetsja* [The discovery of America continues], 2010, Vol. 4. St. Petersburg: MAE RAS, pp. 97-108.
- Shelli M. *Frankenshtejn, ili Sovremennyj Prometej* [Frankenstein, or the modern Prometheus]. St. Petersburg: Azbuka, 2011.
- Shevcova L. Tjumenskij Sever: kraj snegov i bol'shoj nefti [Tyumen North: the land of snow and big oil], *Tjumenskie izvestija*, 2014, 13 March.
- Shnirel'man V.A. *Arijskij mif v sovremennom mire* [The Aryan myth in the modern world]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
- Silant'ev I.V. *Teorija motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii* [The theory of motive in Russian literary criticism and folklore studies: an essay on historiography]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IDMI, 1999.
- Vodop'janov M.V. *Na kryl'jah v Arktiku* [On wings to the Arctic]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1955.
- Vulf L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: a map of civilisation in the peoples' minds during the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.
- Zamjatina N.Yu. Social'naja lesotundra: geograficheskaja podvizhnost' kak jelement semejnyh traektorij zhitelej severnyh gorodov (na primere Noril'ska i Dudinki) [Social forest-tundra: geographical mobility as an element of family trajectories of residents of the northern cities (the case of Norilsk and Dudinka)], *Neprikosnovennyj zapas*, 2014, no. 5(97), pp. 189-208.
- Zamjatina N.Yu. Zona osvoenija (frontir) i ejo obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turah [The development zone (frontier) and its image in American and Russian cultures], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 1998, no. 5, pp. 75-89.